

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»
Историко-архивный институт
Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных
исторических дисциплин
Учреждение Российской академии наук
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ РАН

*В честь члена-корреспондента РАН
Сергея Михайловича Каштанова*

**ПРОБЛЕМЫ ДИПЛОМАТИКИ, КОДИКОЛОГИИ И
АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ**

Материалы
XXIV Международной научной конференции

Москва, 2–3 февраля 2012 г.

Москва 2012

ние информационных ресурсов рукописного наследия XI–XVII вв.». На основе системы автоматизации библиотек «IRBIS–64» была создана база данных кириллических рукописных книг XIII–XVI вв., хранящихся в фондах Института рукописей. Одно из полей данной базы содержит краткое описание переплетов. В ходе работы по созданию базы стало очевидным, что за ее пределами оказался огромный массив информации, который давал всестороннее представление о конструкции, технике изготовления и художественной отделке старых переплетов и который чаще всего оказывается недоступным для большинства исследователей. Было принято решение начать работы по созданию отдельной специальной базы данных украшений кожаных переплетов рукописных книг XIV–XVIII вв. Ее основу составят альбомы протирок тиснений, которые собирались сотрудниками Института на протяжении последних двадцати лет.

Уже начаты работы по обработке основных полей базы данных. В основу рабочего листа будущей базы положена анкета регистрации и описания элементов тиснений, ранее разработанная для заполнения альбомов протирок. Информация в базе будет систематизироваться по видам инструментов, используемых при украшении переплетов, по сюжетам и схемам расположений тиснения на крышках. В процессе заполнения базы будет уточняться структура обязательных и дополнительных полей. Предполагается, что в дальнейшем база данных позволит не только оперативно описывать характер расположения украшений на переплете, но и даст возможность составить более точную картину относительно регионального распространения тех или иных видов украшений, а в дальнейшем – даже определять принадлежность отдельных переплетов к конкретным мастерским.

А.А. Гуптус (Москва)

«Ильдятино Селище»: КОММЕНТАРИЙ К НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 71

Берестяная грамота № 71, найденная в 1952 г. в культурных напластованиях XIII в. усадьбы Б Неревского раскопа, была охарактеризована в издании как небольшой отрывок и опубликована без разделения на слова: **ильдaтинь|селищтьр|пила**. В первой строке

А.В. Арциховский прочел *иль дати*, во второй – слово *селище*, третью оставил без комментария (Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1952 г. М., 1954. С. 73–74). С тех пор документ внимания к себе не привлекал.

При изучении новой цифровой фотографии и дополнительном обследовании оригинала грамоты обнаружилось, что в действительности она представляет собой не фрагмент, а полностью сохранившийся документ с одинаковым образом обтрепанными краями. При таком взгляде на грамоту *тьр* в конце первой и *пила* в начале третьей строки смыкаются, образуя хорошо засвидетельствованное имя *Терпила*. В первой же строке (последняя буква которой не *ь*, а *ѣ*) прочитывается прилагательное *Ильдатинъ*. В целом текст приобретает вид: *Ильдатинъ селищъ, Търпила* (со снятием эффектов бытовой орфографии: *Ильдатин<о> селищ<е>, Т<е>рпила*).

Новое прочтение грамоты делает особенно актуальной параллель, приведенную А.В. Арциховским к слову *селище* из новгородских писцовых книг, где эта лексема представлена сотнями употреблений: «Да в Ретени ж Онтоновское селище, а косит на нем сено Егорьевской поп». По существу, грамота № 71 представляет собой запись того же типа, указывая название пункта и имя того, кто в нем в настоящее время проживает или хозяйствует. Фрагментом такой же памятной записи может быть и грамота № 72, найденная в том же слое на участке мостовой Великой улицы, примыкающем к усадьбе Б (... *Иванко, сыно Дъмеянко*).

Селище, на котором грамота № 71 помещает Терпилу, некогда принадлежало человеку по имени *Ильдата*. Это имя, хотя и фиксируется впервые, не уникально в новгородской письменности. С ним нельзя не соотнести отчества двух братьев, названных Новгородской первой летописью среди убитых в Раковорской битве 18 февраля 1268 г.: «И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивача, **Бориса Илдятинича, брата его Лазоря**, Ратшю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомиловича, Поромана Подвоиского, Полюда, и много добрых боярь, а иныхъ черныхъ людии бещисла» (НПЛ. С. 86). Имя отца Бориса и Лазоря – *Илдята* – отличает от *Ильдата* грамоты № 71 лишь мягкость согласного (которая во втором случае могла быть просто не обозначена), что, конечно, не составляет препятствия для

отождествления имен. Но не только имен. Уточненная стратиграфическая дата грамоты № 71 – середина-третья четверть XIII в. – идеально согласуется с летописным упоминанием, позволяя уверенно считать Ильдату/Ильдату берестяной грамоты отцом убитых под Раковором Бориса и Лазоря.

Имя *Ильдята* – очевидно, неславянское (интерпретация его как варианта имени *Ильята* (Baecklund A. Could Old Russian feminine names end in *-yata*? // Slavonic and East European Journal. Vol. 35. 1956. P. 257) фонетически неприемлема). Его можно было бы связать со скандинавским корнем *hild-*, однако последний участвует в образовании исключительно женских имен. На этом фоне наиболее вероятной представляется трактовка данного антропонима как славянизированной уменьшительной формы имени *Ильдар*, распространенного у ряда тюркских народов.

Тюркское происхождение Ильдаты не следует связывать с татарским завоеванием: факт гибели Бориса и Лазоря Ильдятиницей в 1268 г. позволяет предполагать появление в Новгороде его самого еще в домонгольский период. В новгородском обществе второй половины XII – первой трети XIII вв. Ильдята оказывается далеко не изолированной фигурой, пополняя ряд персонажей, наметившийся благодаря нескольким находкам последнего времени. Такими же, как Ильдята, этническими тюрками, были, по всей вероятности: Кыяс – один из адресатов берестяной грамоты № 1000 (сер. XII в.) (Зализняк А.А., Торопова Е.В., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 14–15), Сандус – автор надписи в Мартирьевской паперти Софийского собора, Гюлопа и его сын Гюлопинич, упоминаемые в берестяных грамотах № 729 (2-й пол. XII в.) и № 926 (1-й пол. XIII в.) (о тюркской этимологии имени см.: Гиппиус А.А., Михеев С.М. Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. 3 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 44–46). Последняя пара составляет наиболее близкую параллель Ильдате и Ильдятиничам, демонстрируя процесс вхождения в новгородскую элиту выходца из тюркского кочевого мира.

Люди, подобные Ильдате и Гюлопе, могли попадать в Новгород разными путями, но в первую очередь – в окружении князей, приходивших из южной Руси. В связи с этим особенно примечателен факт наличия у Ильдаты собственного села. Как известно,

запрет на «держание» князем и его людьми сел в Новгородской земле неизменно присутствует в формуляре договоров Новгорода с князьями. С другой стороны, как видно из тех же договоров, княжеские бояре все же могли, в обход этого запрета, обзаводиться в Новгороде собственными селами, рискуя, впрочем, лишиться их с изменениями политической конъюнктуры. В случае с «Ильдятинным селищем» тюркский этнический элемент выступает как своего рода «меченый атом», проявляющий факт принадлежности села лицу из княжеского окружения.

Г.В. Глазырина (Москва)

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «САГИ ОБ ЭЙРЕКЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКЕ» (СВИДЕТЕЛЬСТВА РАЗНОЧТЕНИЙ К РУКОПИСЯМ)

Исландская «Сага об Эйреке Путешественнике» (ок. 1300 г.) дошла в более чем пятидесяти списках (пять рукописей – средневековые). Разночтения в них подробно описаны Х. Йенсен в предисловии к осуществленному ею критическому изданию текста (*Eiríks saga víðförla* / H. Jensen. København, 1983 [Далее – Esv]. S. СХІІІ–СХХХІІІ): это орфографические и палеографические варианты, а также лексико-синонимические замены. Несмотря на индивидуальные особенности каждой рукописи, западные исследователи говорят о едином тексте «Саги об Эйреке Путешественнике» и выделяют три основных варианта текста саги, которые обозначаются латинскими литерами А, В и С, и четвертый компилятивный – D, возникший довольно поздно и имеющий сходство с текстами А и С. Все варианты текста восходят к одному несохранившемуся оригиналу, лучше всего представленному в рукописях группы С (Jensen H. *Eiríks saga víðförla* // *Medieval Scandinavia. An Encyclopedia* / Ph. Pulsiano. N.Y.; L., 1993. P. 161).

Смысловые различия, обнаруживающиеся в различных группах рукописей «Саги об Эйреке», исследовала Э. Клейване (Kleivane E. When small words make a big difference. On adaptation and transmission of texts in Late Medieval manuscripts // *á austrvega. Saga and East Scandinavia. Preprint papers of The 14th International Saga Conference* / A. Ney, H. Williams, F.Ch. Ljungqvist. Gävle, 2009. Vol. 1. P. 513–520). Сравнивая по разным рукописям соответствующие фрагменты текста, Клейване отмечает наличие или отсутствие в них